

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.10

Правильная ссылка на статью:

Шаблинский А. И. Общественное мнение и политическое участие: возвращаясь к работам Дж. Брайса // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 202—219. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.10>.

For citation:

Shablinskii A. I. (2019) Public Opinion and Political Participation: Based on the Works of James Bryce. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 202—219. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.10>.

А. И. Шаблинский ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: ВОЗВРАЩАЯСЬ К РАБОТАМ ДЖ. БРАЙСА

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: ВОЗВРАЩАЯСЬ К РАБОТАМ ДЖ. БРАЙСА

PUBLIC OPINION AND POLITICAL PARTICIPATION: BASED ON THE WORKS OF JAMES BRYCE

ШАБЛИНСКИЙ Антон Ильич — аспирант, Аспирантская школа по философским наукам, стажер-исследователь в Институте институциональных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ogoshebik@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5031-2657>

*Anton I. SHABLINSKII*¹ — Ph.D. Student, Doctoral School of Philosophy; Research Assistant, Center for Institutional Studies
E-MAIL: ogoshebik@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5031-2657>

¹ National Research University Hihger School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В современных дискуссиях о функциях опросов общественного мнения можно выделить две линии рассуждения. Одни авторы доказывают, что опросы должны с точностью передавать предпочтения и нужды

Abstract. Today political discussion of public opinion survey functions can be divided into two trajectories. Certain authors argue that surveys are designed to accurately reflect public preferences and needs serving as a tool to control

граждан и работать как инструмент контроля народных представителей. За этим подходом кроется определенное видение демократии как правления элит в соответствии с интересами граждан, и общественного мнения как суммы индивидуальных предпочтений избирателей. Джордж Гэллап — одна из ключевых фигур, стоящих за первым подходом. Вместе с тем существует альтернативное видение, согласно которому общественное мнение есть процесс принятия демократических коллективных решений. В нашей статье мы сначала разбираем ограничения первого подхода. Мы демонстрируем, что второй подход помогает увидеть, как контролирующая функция опросов превращается в аккламационную. Далее мы показываем, что второй подход намного ближе к теории общественного мнения Джеймса Брайса, чем подход Джорджа Гэллапа и авторов, наследующих ему.

Ключевые слова: Джеймс Брайс, Джордж Гэллап, Жан-Жак Руссо, опросы общественного мнения, минимальная демократия, коллективное принятие решений, политическое участие

people's representatives. Democracy is viewed as an elite rule carried out according to the interests of the citizens, and public opinion is viewed as a sum of individual preferences of the voters. George Gallup is a key figure behind this approach. However, there is another point of view stating that public opinion refers to democratic collective decision-making. This article analyzes the limitations of the former approach. The authors show that the latter one helps to see how the supervisory function of the surveys turns into acclamation. The authors also show that the latter approach is much closer to J. Bryce's opinion than that of G. Gallup and his followers.

Keywords: James Bryce, George Gallup, Jean-Jacques Rousseau, public opinion surveys, minimal democracy, collective decision-making, political involvement

Введение

В «Конституционном кодексе» Иеремии Бентама общественное мнение выполняло роль «сдержек» по отношению к народным представителям и государственным служащим [Bentham, 1830: 34—35]. Оно воплощалось в трибунале общественного мнения, включавшем в свой состав всех индивидов, являвшихся гражданами государства. Этот трибунал ограничивал верховную власть точно так же, как суды — законодательную власть. Таким образом, общественное мнение для Бентама имело значимую функцию лишь в ситуации репрезентативной демократии с четко оформленной системой разделения властей.

В XX в. с распространением опросов общественного мнения это утилитаристское представление об общественном мнении и его функции лишь укрепилось. Флойд Олпорт в статье «В направлении науки общественного мнения» критиковал отождествление общественного мнения с коллективным целым и предлагал

«придерживаться научного подхода». Научным, согласно Олпорту, являлось определение, избавленное от подобных метафор и сводившее общественное мнение к совокупности интересов конкретных граждан [Allport, 1937: 9]. Джордж Гэллап, один из основателей опросной индустрии, также не раз отмечал, что общественное мнение есть «агрегация взглядов индивидов в отношении вопросов, затрагивающих страну» [Plowman, 1962: 346]. Его основная функция — контролировать законодательную власть, парламент, склонный поддаваться влиянию лоббистов. Опросы виделись научным инструментом, позволяющим доказать обоснованность предложений лоббистских группировок [Гэллап, Рэй, 2017: 120—126]¹. С другой стороны, у Гэллапа мы можем найти альтернативное видение функций общественного мнения. В своих ранних работах он настаивал, что общественное мнение, выраженное через опросы, должно не только исполнять контролируемую функцию, но также направлять государственных мужей при решении тех или иных задач. Гэллап был уверен, что в ближайшем будущем опросы станут «выборочными референдумами», инструментом выражения народной воли, а не только инструментом контроля парламентариев [Gallup, 1938: 131—133].

Как мы должны определять функции общественного мнения и относиться к опросам, за которыми закрепилась репутация наиболее точного и научно обоснованного способа выражения общественного мнения? Следует ли нам рассматривать их как инструмент по вовлечению людей в принятие коллективных решений или как инструмент контроля за политическими элитами? Сегодня контролирующая функция опросов — их способность стать «лучшим вариантом выборов» — рассматривается теоретиками демократии и поллстерами как наиболее важная. Если некоторые авторы и связывают опросы общественного мнения с расширением политического участия, то зачастую они оговариваются, что в абсолютных единицах число людей, участвующих в принятии коллективных решений не увеличивается благодаря опросам. Более того, опросы общественного мнения могут, наоборот, подавлять активное политическое участие.

Джеймс Брайс, теоретик демократии, во многом определивший сегодняшнее понимание опросов, писал об общественном мнении как о статистической категории, как о силе многих, которую необходимо периодически замерять, чтобы контролировать действия народных представителей. Именно так Брайса прочитывал Гэллап и некоторые другие теоретики общественного мнения [Гэллап, Рэй, 2017; Dion, 1962: 572; Korzi, 2000: 52]. Вместе с тем подход Брайса к общественному мнению был более сложным. Достаточно заметить, что он напрямую противопоставлял общественное мнение власти цифр [Bruse, 1921: 111]. Более того, он рассматривал его как суверена, который может функционировать, лишь когда обычные граждане вовлечены в постоянную делиберацию и когда они участвуют в местном самоуправлении. Иными словами, теоретик общественного мнения, которого принято ассоциировать с концепцией опросов, связывал общественное мнение с активным участием граждан в принятии коллективных решений. Во мно-

¹ Джулиан Вудворд, ставший в 1950 г. президентом Американской ассоциации исследователей общественного мнения, писал, что опросы выполняют функцию «дополнительных избирательных урн — урн, намного более удобных, чем те, что можно обнаружить на избирательном участке». Именно опросы вынуждают лоббистов предоставлять дополнительные доказательства народной поддержки своих инициатив [Woodward, 1948: 553].

гом это видение перекликается с концепцией общей воли Жан-Жака Руссо, которая функционирует, лишь если в принятии коллективных решений участвуют все граждане. Таким образом, мы покажем, что за концепцией общественного мнения стояла идея «массовой партиципаторной демократии». Сегодняшняя идеология опросов общественного мнения, которая сосредоточена на их контролирующей функции, не учитывает этого важного момента.

Равная репрезентации или аккламация?

В 1996 г. Сидней Верба, президент Американской ассоциации политических наук, выступил с докладом «Гражданин как респондент: выборочные обследования и американская демократия» [Verba, 1996]². Согласно Вербе, демократия в первую очередь подразумевает правление элит в соответствии с нуждами и предпочтениями граждан. Следовательно, необходимо установить точную процедуру по трансляции нужд и предпочтений населения. Это приводит нас к принципу равенства, где нужды и предпочтения каждого гражданина имеют равный шанс быть представленными. В этом смысле, согласно Вербе, выборочное исследование добивается ровно той же цели, что и демократия: равной репрезентации всех граждан. В опросах каждому предоставляется равная возможность стать участником, и голос каждого имеет равный вес. Таким образом, выборочное исследование во многом напоминает выборы, но точнее их. Причем опросы являются не только эффективным способом донести до элит предпочтения граждан, но и инструментом контроля элит, которые могут выдавать за предпочтения граждан свои частные интересы. Схожую позицию отстаивает Бенджамин Пейдж. Он также пишет, что выборочное исследование обеспечивает равную репрезентацию [Page, 2002: 340—342]. Более того, оно избавлено от смещений, характерных для выборов и других способов выражения общественного мнения. Таким образом, аргумент об опросах как механизме точной репрезентации интересов граждан и контроля элит, высказанный Гэллапом, получил развитие в современных теориях общественного мнения. Вместе с тем эта позиция подвергается последовательной критике. Мы осветим здесь лишь несколько наиболее известных аргументов в этой дискуссии.

Под сомнение ставится агрегативная модель общественного мнения. В рамках этой концепции случайная выборка репрезентирует лишь совокупность мнений отдельных индивидов, зачастую никак друг с другом не связанных. Впервые наиболее последовательно с этой критикой выступил Герберт Блумер [Blumer, 1948]. Он заявлял, что выборка не отражает общественное мнение как «функцию действующего общества» [ibid.: 543—544]. Иными словами, «тот простой факт, что опрашиваемый либо высказывает, либо не высказывает мнение, совершенно не говорит о том, участвует ли он в формировании общественного мнения, функционально выстраиваемого в обществе». Схожий аргумент высказывает Пьер Бурдьё, когда пишет, что «в реальной обстановке мнения становятся силами, а соотношение мнений — сило-

² Известный исследователь общественного мнения Бенджамин Пейдж замечает: «Демократическая теория стала серьезной мотивацией для исследователей... изучающих связи между общественным мнением и принятием политических решений» [Page, 2002: 341]. Как отмечают некоторые исследователи [Margolis, 1984], политическая функция опросов в течение второй половины XX века обсуждалась довольно мало, все внимание было устремлено на решение методологических вопросов. Однако к концу XX века стали вновь появляться работы, в которых опросы рассматривались как инструмент демократии.

выми конфликтами между группами» [Бурдые, 1993]. Отличие в том, что для Бурдые такими группами являются классы, а для Блумера — «функциональные группы».

Но даже если мы закроем глаза на сложное устройство общественного мнения, возникает множество других вопросов к тем предпосылкам, на которых выстроена идеология опросов. В частности, к предположениям о том, что респонденты имеют сложившуюся систему политических ценностей, в соответствии с которой они всегда отвечают одинаково на одни и те же вопросы; что эта система ценностей одинакова для разных групп респондентов; что респонденты имеют равный доступ к информации. В 1964 г. Филипп Конверс, опираясь на исследования в фокус-группах, показал, что одни и те же респонденты могут по-разному отвечать на одни и те же вопросы в разных исследованиях [Converse, 2006]. Конверс утверждал, что невозможно объяснить эту разницу, что вероятность ее наличия сродни случайному «броску монеты». Кроме того, согласно Конверсу, респонденты зачастую не обладали четко структурированной либеральной или консервативной системой политических ценностей, которой, в свою очередь, обладали элиты. Эту линию впоследствии развивал Бурдые, писавший, что в зависимости от принадлежности к разным классам респонденты обладают как разным «классовым этосом», так и разным доступом к информации. Это во многом определяет, в каких категориях респондент воспринимает вопрос. В 2003 г. Скотт Альтхаус, выступая с критикой Вербы, пишет, что нельзя говорить о равной возможности участия в случае с выборочными исследованиями [Althaus, 2003]. Альтхаус предлагает рассматривать ответы формата «Не знаю / Нет ответа» не только как форму участия в опросе, но и как следствие неравного доступа к информации о политических событиях. Издержки, связанные с получением информации о политической сфере, согласно Альтхаусу, неравны для разных групп населения, а значит о равной возможности участия в опросе можно утверждать с серьезными оговорками.

В 1990-е годы был проведен ряд исследований, доказывающих отсутствие значимой связи между информационным неравенством и результатами опросов. В первую очередь следует упомянуть работу Бенджамина Пейджа и Роберта Шапиро «Рациональная публика». В ней доказывалась «рациональность» коллективного общественного мнения. Коллективное общественное мнение предполагает агрегацию нескольких тысяч ответов на одинаковые вопросы, задаваемые в течение нескольких десятков лет в различных исследованиях. Эффект агрегации позволяет, согласно авторам, уменьшить влияние случайной ошибки и выделить некоторую «генеральную линию», коллективное общественное мнение [Page, Shapiro, 1992: 30]. Рациональность общественного мнения понималась авторами в узком смысле. Коллективное общественное мнение реагирует на новую информацию, поступающую из СМИ или от политических лидеров, и не остается неизменным. Общественное мнение изменяется вследствие поступления новой информации [ibid.: 52]. Шапиро и Пейдж показали: респонденты с более низким уровнем образования, меньшей информированностью отвечали на вопросы, касающиеся внутривнутриполитических дел, сходным образом, что и образованные, информированные респонденты [ibid.: 203—204].

На наш взгляд, однако, более глубокая проблема состоит в том, что Пейдж, Шапиро, Верба и полстеры, наследующие Гэллапу, исходят из дескриптивного

подхода к политической репрезентации. В соответствии с этим подходом, опросы могут показывать общественное мнение, поскольку опираются на методы случайной выборки. Благодаря последним исследователи могут составить репрезентативную модель населения. Однако такое понимание репрезентации не способно дать ответ на вопрос о взаимодействии представляемых и представителей. Более того, оно в принципе не способно дать ответ на вопрос о необходимости представителей. Этот подход действует лишь в том случае, если для контроля парламента ищут еще более точное, научно обоснованное «зеркало народа». За таким подходом скрывается определенное видение демократии, которое эксплицировал в своем докладе Верба. Демократия — это в первую очередь правление элит в соответствии с интересами граждан. Однако вследствие такого подхода к политической репрезентации и демократии мы можем не заметить, как в ситуации массовых обществ выборы и опросы становятся инструментом аккламации.

Юрген Хабермас показал, что введение всеобщего избирательного права не всегда означало укрепление демократии. Наделение всех правом участвовать (хоть и опосредованным образом) в выборе политического курса вовсе не приводило к расширению публичной сферы. Ожидалось, что голосующий, обладая критической установкой, с большой вероятностью примет участие в публичной дискуссии, «поможет в рациональной форме определить стандарты справедливого политического действия...» [Habermas, 1991: 212]. Однако существовало большое различие «между голосующей публикой в массовых демократиях социальных государств и публикой, состоящей из частных лиц в буржуазных конституционных государствах XIX века» [ibid.: 212—213]. С одной стороны, среди публики массовых демократий наиболее активными избирателями оказываются те, кого можно было бы отнести к обеспеченным буржуа веком ранее. Они становятся «лидерами мнений в публичных делах». С другой стороны, сегодня представители этой социальной прослойки не склонны выносить на открытое обсуждение свои взгляды. Те же, кто находится на более низкой ступени социальной иерархии, ориентируются на «лидеров мнений». «Их взгляды приобретают характер зачерствелой привычки» [ibid.: 213]. Даже те, кто участвуют в некоторой дискуссии, склонны лишь подтверждать превалирующие идеи³. На огромное число тех, кто не определился в своих политических предпочтениях, кто вообще не интересуется политической повесткой, направлены все усилия избирательных менеджеров. Они стараются извлечь из этих групп как можно больше пользы, «но не путем просвещения, а путем адаптации аполитичного потребительского отношения» [ibid.: 215]. В подобной манипулируемой «публичной сфере» доминируют «аккламационные настроения». Как пишет Хабермас, для массовых демократий характерно не общественное мнение, но климат мнений [ibid.: 217]. Истинное общественное мнение возможно

³ Эту линию аргументации сегодня развивают авторы, опирающиеся на теорию эвристик [Kahneman, Tversky, 1974: 1124]. Они отмечают, что в вопросах, касающихся политики, люди склонны использовать эвристики бездумно, автоматически [Shapiro, Bloch-Elkon, 2008: 120]. Кроме того, люди часто упускают контекстуальную информацию, необходимую для разумного использования эвристик. Шапиро и Блох-Элкон показали, что партийная принадлежность становится своеобразной эвристикой, не позволяющей распознавать информацию, ставящую под сомнение политику партии [Shapiro, Bloch-Elkon, 2008: 125—126].

лишь при существовании буржуазной публичной сферы, где поддерживается рациональная дискуссия.

Существует точка зрения как на существование демократии, так и на роль общественного мнения, которая отчасти учитывает критику Хабермаса. Опираясь на традиции делиберативной демократии и политического анализа, Питер Наянз и Винсент Прайс фактически концептуализируют общественное мнение как процесс коллективного, демократического принятия решений [Price, Neijens, 1997]. Они выделяют несколько этапов в этом процессе: (1) формулирование целей; (2) выработка альтернатив; (3) прогнозирование следствий; (4) оценка и обсуждение альтернатив; (5) принятие решения. Наянз и Прайс делают акцент на коллективной делиберации и гражданском участии в ходе формулирования целей, выработки и обсуждении альтернатив. В итоге они формулируют индекс качества общественного мнения, который включает такие параметры, как «широта гражданского участия», «масштаб дискуссий, дебатов» и ряд других. В отличие от теоретической позиции Вербы и Пейджа, в центре данного подхода не точное сообщение элитам расстановки интересов, но вовлечение разных сторон в процесс коллективного принятия решений. Далее мы хотели бы показать, что у подхода Наянза и Прайса намного больше оснований ассоциировать себя с теорией общественного мнения Джеймса Брайса, чем у подхода Гэллапа и его преемников.

Брайс писал об общественном мнении не только как о сумме мнений и о власти чисел, но как о суверене, который может функционировать, если граждане будут активно участвовать в коллективных дискуссиях и местном самоуправлении. Брайс критиковал «партийную политику» США и противопоставлял ей общественное мнение, направленное на общий интерес. Чтобы подчеркнуть этот аспект его теории, мы обратимся к работам Руссо, который писал об общей воле схожим образом: это не агрегация частных волей, но беспристрастная инстанция, которая противостоит частным волям и которая может функционировать, лишь если люди будут принимать участие в коллективном принятии решений. Таким образом, мы покажем, что общественное мнение задумывалось Брайсом в первую очередь как демократическая концепция, описывающая преимущества политического участия, а не столько как эффективный способ осуществления правления (необязательно демократического) в массовом обществе.

Общая воля Ж.-Ж. Руссо: моральная свобода и политическое равенство

Существуют две основные интерпретации концепции общей воли Ж.-Ж. Руссо. Одной из них придерживаются теоретики общественного выбора, которые утверждают, что общая воля является результатом голосования на ассамблее (волюнтаристская интерпретация) [Runciman, Sen, 1965: 555—556; Estlund et al., 1989]. Согласно другой линии интерпретации, общая воля есть особая личностная структура, которая может быть проявлена в ходе определенной процедуры (рационалистическая интерпретация) [Grofman, Feld, 1988: 572; Schwartzberg, 2008: 414].

Теоретики общественного выбора сходятся в том, что общая воля направлена на достижение частного интереса каждого. На ассамблеях в таком случае происходит процесс примирения частных интересов, высказываемых индивидами. Это возможно в том числе благодаря наличию «общей составляющей»

всех частных интересов⁴. Следуя и дальше указанному прочтению, мы приходим к тому, что индивиды, отвечая на вопрос «в чем состоит общая воля?», говорят фактически о своем частном интересе. Руссо пишет, что гражданин дает согласие даже на те законы, что приняты противно его голосованию [Rousseau, 1963: 88]⁵. Согласие гражданина с законом не зависит от того, голосует он за или против этого закона на ассамблее. Волюнтаристская интерпретация, напротив, предполагает, что в ходе голосования примиряются частные интересы граждан, благодаря чему и возможно согласие с законом. Следовательно, согласие индивида ставится в зависимость от процесса примирения, происходящего в ходе голосования. В рамках волюнтаристской интерпретации возникает противоречие с одним из основных тезисов Руссо о безусловном согласии гражданина с законом. В то же время, если мы исходим из того, что общая воля существует вне зависимости от голосования и, являясь личностной структурой, присуща каждому гражданину, нам не составляет труда принять указанный тезис о согласии со всеми законами. Но возможны ли в принципе демократические процедуры в этих условиях? Каков их смысл? Мы постараемся показать, что эти процедуры (в частности голосование) приобретают иное содержание, но при этом не теряют демократический характер.

Игнорируя различие частных интересов и общего блага, мы можем не увидеть альтернативный подход к вынесению политических решений, предлагаемый Руссо. На наш взгляд, этот подход основан не на примирении частных интересов, но на стремлении индивидов сохранить свободу определенного вида, которая реализуется посредством норм и институтов. Руссо в трактате «Об общественном договоре» различает моральную и гражданскую свободу. Гражданская свобода основана на ограничении изначальной, естественной свободы пределами, заданными общей волей. Моральная свобода «делает человека действительным хозяином самому себе; ибо... подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода» [Руссо, 1998: 212—213]. Как можно заметить, моральная свобода указывает на ряд действий (установление закона для самого себя, подчинение этому закону), необходимых для того, чтобы стать «хозяином самому себе». Гражданская свобода же означает возможность действовать в рамках ограничений, установленных законом. Однако именно реализация индивидами своей моральной свободы определяет возникновение и природу ограничений,

⁴ Джереми Уолдрон пишет, что в литературе о Руссо часто преувеличивается различие между общим благом и интересами всех. Уолдрон исходит из того, что общее благо является общим элементом всех частных интересов [Estlund et al., 1989: 1323]. Следовательно, общая воля, направленная на общее благо, предполагает достижение определенной доли частного интереса для каждого индивида. Схожей позиции придерживается и Дэвид Эстлунд. Он повторяет, что общая воля стремится к общему интересу. Далее он апеллирует к тезису Руссо о том, что «Общественную связь образует как раз то, что есть общего в этих различных интересах; и не будь такого пункта, в котором согласны все интересы, никакое общество не могло бы существовать». Следовательно, как пишет Эстлунд, общий интерес может быть лишь «функцией от индивидуальных интересов» [ibid.: 1321]. Таким образом, в перспективе общая воля оказывается направлена на удовлетворение частных интересов.

⁵ Руссо пишет: «Le citoyen consent à toutes les lois, même à celles qu'on passe malgré lui, et même à celles qui le punissent quand il ose en violer quelqu'une» [Rousseau, 1963: 88]. К сожалению, в русском переводе А. Хяютина этот тезис передан лишь частично: «Гражданин дает согласие на все законы, даже на те, которые карают его, если он осмеливается нарушить какой-либо из них» [Руссо, 1998: 291]. Здесь опущена существенная часть: «Гражданин дает согласие на все законы, даже на те, что приняты противно его голосованию [курсив наш — Шаблинский А. И.] и на те, которые карают его, если он осмеливается нарушить какой-либо из них».

составляющих суть закона. Джошуа Коэн показывает, что именно ради моральной свободы индивиды готовы жертвовать частными интересами.

Коэн спорит с гоббсианской трактовкой Руссо, согласно которой до заключения общественного договора индивиды были полностью автономны и стремились лишь к защите собственных интересов. Кроме того, гоббсианское прочтение Руссо предполагает, что индивиды, заключая общественный договор, отказываются от сиюминутных частных интересов в пользу долгосрочных частных интересов (этот тезис также напоминает трактовку теоретиков общественного выбора). Коэн, однако, замечает, что помимо частных интересов индивиды желают защитить свою свободу [Cohen, 1986: 282—283]⁶. В данном случае под свободой понимается возможность установления закона для самого себя и следование этому закону. Именно эта личностная черта становится основой для общественного договора и общей воли [ibid.: 286]. Коэн предлагает рассмотреть гипотетическую ситуацию, в которой при заключении договора индивид оказывается перед дилеммой: согласиться с возникновением общей воли и действовать в соответствии с ее распоряжениями либо приспособиться под условия договора и действовать в соответствии с ними лишь тогда, когда это отвечает его собственным интересам. Почему индивид может выбрать первый образ действий? Согласно Коэну, именно желание «остаться свободным как прежде» и манифестировать свою свободу склоняет индивида к этому варианту [ibid.: 285]. С позиций частного интереса система социальных норм часто представляется нежелательным ограничением. В противовес этому желание утвердить свою моральную свободу ведет к утверждению институциональных ограничений и общей воли. Таким образом, как замечает Коэн, «обладание общей волей — это не средство достижения автономии, но сущность автономии» [ibid.: 286].

Опираясь на работы Коэна, мы можем говорить об альтернативной интерпретации голосования на ассамблеях. Индивиды могут ориентироваться не только на частный интерес при голосовании, но и на свое желание сохранить моральную свободу, которое подразумевает воспроизводство гражданской общины. Общая воля, которая образуется после заключения договора, как пишет Коэн, есть суть моральной свободы [Cohen, 1986: 287]. Следовательно, голосование является вовсе не примирением разрозненных частных интересов и не поиском их общей составляющей. Голосование — это выражение общей воли, которая существует вне зависимости от результатов этой процедуры. Это реализация гражданами их моральной свободы, возможности совместно установить закон и следовать ему. Но почему эта процедура подразумевает прямое голосование и отсутствие репрезентации?

Для Руссо важным условием сохранения политического сообщества является не только моральная свобода, но и политическое равенство, которое возможно, когда каждый участвует в принятии закона. Требование полити-

⁶ В своей работе «Размышления о Руссо: автономия и демократия» Дж. Коэн защищает тезис о том, что, согласно Руссо, до заключения общественного договора существуют элементы социальности [Cohen, 1986: 284]. Люди уже вышли из естественного состояния, между ними постепенно нарастает неравенство, возникают некоторые социальные институты. К этому моменту индивиды уже обладают потребностями, которые могут быть удовлетворены лишь во взаимодействии с другими людьми (например, потребность в признании). Наконец, человек в этом состоянии имеет представление о свободе и хочет сохранить свою свободу [ibid.: 284].

ческого равенства вытекает из концепции общей воли. Как поясняет Руссо, «для того, чтобы воля была общею, не всегда необходимо, чтобы она была единодушна; но необходимо, чтобы были подсчитаны все голоса [курсив наш — Шаблинский А. И.]» [Руссо, 1998: 217]. Иными словами, все граждане должны участвовать в принятии закона (для Руссо это прежде всего процедура голосования). Этот же тезис Руссо формулирует немного иным образом, когда пишет о неотчуждаемости суверенитета. Суверенитет — это осуществление общей воли. Общая воля, как пишет Руссо, не может быть передана⁷. Но почему невозможна передача общей воли? Проблема в том, что представители (парламентарии) формируют группу (парламент) со своей общей волей, которая является частной по отношению к общей воле всего сообщества. Они начинают действовать в пользу своей узкой «общей воли». В каких случаях возможно выражение общей воли, которая «по своей природе» стремится к равенству, а не к «преимуществам»? В тех случаях, когда в ассамблее принимают участие все граждане политического сообщества⁸.

Подводя промежуточные итоги, скажем, что рационалистическая интерпретация общей воли лучше схватывает основную интенцию Руссо, не входя в противоречие с ключевыми тезисами его работы «Об общественном договоре». В рамках этой интерпретации можно объяснить необходимость голосования, не пренебрегая тезисом о том, что каждый гражданин согласен с законом, даже если он за него не голосовал. На ассамблее происходит не примирение частных интересов или поиск общей составляющей этих интересов. Голосование необходимо для реализации моральной свободы. Граждане участвуют в процедуре, чтобы совместно вынести суждение об общей воле, а не высказаться о своих частных интересах. Так в сообществе сохраняются моральная свобода и политическое равенство.

Переосмысляя концепцию общественного мнения Дж. Брайса

Леон Дион в статье «Как понимают демократию исследователи общественного мнения» указывает, что работы Джеймса Брайса стали цитироваться первыми полллстерами в связи с тем, что Брайс, в отличие от Лоуренса Лоуэлла, не наделял общественное мнение характеристиками общей воли, но воспринимал его лишь как сумму мнений отдельных индивидов [Dion, 1962: 572]. Согласно Диону, Брайс рассматривал общественное мнение исключительно как статистическую категорию. Во-первых, Брайс, рассуждая о власти общественного мнения, говорит о власти большинства. Политики вынуждены считаться с общественным мнением лишь потому, что оно тождественно сумме мнений большинства. Именно власть является характеристикой общественного мнения, но не мудрость [ibid.]. Во-вторых, у способа измерения общественного мнения, о котором пишет Брайс, лишь одна цель — выявить большинство и меньшинство по конкретному вопросу. Этот метод должен дополнить «прямое массовое наблюдение», уже практикуемое некоторыми политиками [ibid.: 573]. Наконец, Дион заключает, что, продолжая

⁷ Согласно Руссо, «передаваться может власть, но никак не воля» [Руссо, 1998: 216].

⁸ С этой проблемой сталкиваются репрезентативные демократии, где граждане, не избравшиеся в органы власти, исключены из активной политической жизни. Ханна Питкин, одна из ключевых теоретиков политической репрезентации, замечает, что репрезентация скорее замещает демократию, чем совершенствует ее работу [Pitkin, 1972].

логику Брайса, мы должны наделить силой закона любое считаваемое высказывание большинства по конкретному вопросу.

Вместе с тем, если мы обратимся к текстам Брайса, мы не увидим столь однозначной позиции по вопросам, касающимся общественного мнения. Брайс пишет об общественном мнении как о «здоровом смысле» нации, позволяющем реализовать все положения Конституции [Bryce, 1995: 250]. Одновременно он называет его атмосферой, в которой растворяются все пороки, характерные для политической деятельности [ibid.]. Более того, Брайс не раз замечает, что общественное мнение не следует путать с органами его выражения [ibid.: 172]. Власть общественного мнения для Брайса — это не просто «власть цифр», как пишет Дион. В работе «Современные демократии» Брайс замечает: «Оно [общественное мнение] является противовесом голой власти цифр» [Bryce, 1921: 111]. Наконец, Брайс не столь однозначен в вопросе компетенции общественного мнения, как об этом пишет Дион. Брайс различает категорию дел, где стоит опираться на общественное мнение и категорию проблем, где оно оказывается беспомощным [Bryce, 1995: 244].

Чтобы прояснить наш тезис о том, что общественное мнение для Брайса не просто статистическая категория, обратимся к полемическому контексту его работы «Американское содружество». Одна из интенций, легших в основу этой работы, заключалась в критике партийной системы, сложившейся в США после завершения гражданской войны. С одной стороны, Брайс, как и некоторые либеральные мыслители (Джон Брайт, Уильям Глэдстоун), был крайне воодушевлен победой Севера в Гражданской войне 1861—1865 гг. и рассматривал США как страну, в которой могут быть реализованы ключевые принципы либеральной идеологии. С другой стороны, к моменту написания «Американского содружества» фокус внимания Брайса и некоторых его коллег сместился на работу американских политических партий [Keller, 1988: 92]. Брайс писал о том, что возникновение партий — неизбежное следствие развивающейся массовой демократии. При этом, как показал Паоло Помбени, Брайс в работах 1905 г., а также в переписке с Голдвином Смитом, критиковал партийную систему, поскольку она неизбежно приводила к власти «демагогов» и вела к политическим манипуляциям [Pombeni, 1994: 337]. Более того, мы встречаем критику партий уже в «Американском Содружестве», где Брайс обвиняет партийных политиков в коррумпированности, преследовании личных интересов.

Брайс начинает разговор о партиях скорее с нейтральной ноты и пишет о них как о неизбежном следствии современных массовых обществ. Современные демократии, согласно Брайсу, решают те же проблемы, что и древние, но совершенно иными способами. Одной из важных особенностей современных демократий становится партийная политика. Партийная система США, согласно Брайсу, представляла собой политическую схему, к которой должны будут прийти все страны мира [Pombeni, 1994: 321]. Партии, построенные вокруг определенных идей и принципов, существующие, например, в Великобритании, должны будут уступить место партийным машинам, подобным тем, что есть в США. «...Если раньше партии создавались под определенные задачи и цели, то сейчас задачи и цели создаются партиями» [ibid.: 323]. Согласно Брайсу, распространение институтов партийной системы следует рассматривать как реализацию исторических и политических

законов. Вместе с тем Брайс критиковал ситуацию, в которой растет политическая коррупция, а сама политика становится ремеслом и уделом профессионалов⁹. Он признавал, что это худшая сторона возникающих партийных систем. Особенно заметна эта критика во втором томе «Американского содружества», где Брайс пишет о профессионализации политики¹⁰ и коррумпированности американских партий [Bruce, 1995: 43]. Он посвящает целую главу вопросу «Почему лучшие люди не идут в политику» [ibid.: 50]¹¹.

Мы считаем, что концепцию общественного мнения Брайса необходимо рассматривать в контексте этой критики. Для иллюстрации нашего тезиса обратимся к некоторым тезисам «Американского содружества». Брайс различает политиков внутреннего круга и политиков внешнего круга [ibid.: 41]. В США политики внутреннего круга рассматривают занятия политикой как свой основной вид деятельности и единственный источник дохода [ibid.: 43]. Главным мотивом участия в работе органов власти и в партийной работе является для них денежное вознаграждение. Как пишет Брайс, «когда ожидание [вознаграждения] становится существенным мотивом его деятельности, такой [политик] может быть назван профессионалом» [ibid.]. В отличие от них политики внешнего круга не обладают корыстным мотивом (pecuniary motive). Кроме того, их политическая деятельность чаще всего ограничивается голосованием [ibid.: 48]. При этом в США под определение политиков внешнего круга подпадает «вся нация». Как пишет Брайс, «живой интерес к политике, свойственный английскому внешнему кругу¹², в США разделяет вся нация» [ibid.]. Наконец, те, кто не имеет корыстного мотива в политической деятельности, представители внешнего круга, являются носителями общественного мнения. Под это общественное мнение вынуждены подстраиваться профессиональные политики, чтобы удержать свою должность, свой мандат [ibid.: 48—49].

В части, посвященной общественному мнению, Брайс продолжает это противопоставление. «Люди, управляющие машинерией, обычно эгоистичны и бес-

⁹ Чтобы понять это двойственное отношение к партиям, скажем несколько слов о сравнительном историческом методе, который использовал Брайс. С одной стороны, он с осторожностью относился к этой методологии, популярной среди историков, правоведов и антропологов в XIX веке [Collini, Winch, Burrow, 1983: 238—240]. Именно этот инструментарий использовался критиками демократии для выявления ее недостатков. Более того, описывая афинскую или венецианскую демократии такие авторы, как Генри Мэйн, заявляли о принципиальной невозможности демократии в современной Великобритании и других странах мира [ibid.: 239]. Брайс призвал использовать сравнительный метод более аккуратно. Он ставил под сомнение бессистемный анализ демократии, сводящийся к описанию недостатков древних Афин или Римской республики. В 1867 г. он отмечал, что «не следует поспешно делать выводы для одних наций на основе опыта других наций, находящихся в иных обстоятельствах...» [Bruce, 1867: 240—241].

¹⁰ Брайс замечает: «Политика теперь стала прибыльной профессией, как адвокатское дело, игра на бирже, торговля текстилем или юридическое оформление фирм» [Bruce, 1867: 239—242].

¹¹ Среди наставников Брайса был Голдвин Смит, резко критиковавший демагогию и «политические манипуляции», которые он связывал с деятельностью Джозефа Чемберлена [Pombeni, 1994: 325—326]. Как показал в своей статье Помбени, Брайс переписывался со Смитом до и после работы над «Американским содружеством». В своих письмах Брайс довольно часто высказывает едкие, критические замечания в отношении партийной политики и принимает позицию Смита, хотя при этом замечает, что сложившаяся ситуация в политике неизбежна в массовых обществах [ibid.: 333].

¹² В европейских странах это различие проводится им весьма условно. С одной стороны, политики внутреннего круга получают вознаграждение за свою деятельность, однако оно не является их основным доходом. Чаще всего они заняты в работе законодательных, исполнительных, судебных органов власти. С другой стороны, к политикам внутреннего круга Брайс относит известных журналистов, писателей, тех, кто стремится «оказать влияние на публику» [Bruce, 1995: 41]. Представители внешнего круга могут принадлежать к политической партии, но не получают никакого вознаграждения за участие в партийной работе и не занимают позиции в государственных органах.

принципны» [ibid.: 250]. Но вред, который они могли бы нанести слаженной работе Конституции, нейтрализуется общественным мнением. Как пишет Брайс, «... здравый смысл нации в целом сдерживает недостатки в реализации положений Конституции и может впоследствии полностью устранить эти несовершенства» [ibid.]. Общественное мнение стоит над партиями, «будучи невозмутимым и широко мыслящим...», оно преодолевает порочность властей и «сохраняет высокий уровень благополучия нации» [ibid.: 250—251]. Как и общая воля для Руссо, общественное мнение стоит для Брайса выше коррумпированных партийных структур, не загрязнено частными интересами политиков и отражает «здравый смысл» сообщества в целом.

Более того, Брайс, как и Руссо, объявляет общественное мнение носителем суверенитета [ibid.: 184—185]. Статус представителей, как отмечает Брайс, оказывался совершенно «иным» в такой ситуации. Добавим, что «иным» по сравнению со статусом представителей в Британском парламенте. Они воспринимались «не как мудрые и сильные люди, избранные, чтобы править, но как делегаты, выполняющие необходимые поручения и сменяемые через короткие промежутки времени» [ibid.: 184]. После учреждения национального правительства, как пишет Брайс, верховная власть остается у граждан. Граждане установили правление (government) и передали лишь часть суверенитета своим «агентам». Конечно, заявление Брайса о частичной передаче суверенитета вряд ли совместимо с логикой Руссо, однако видна схожая интенция — подчеркнуть важность участия всех граждан в реализации общественного мнения. Как пишет историк Хьюго Таллок, Брайс увидел в США возникновение нового политического феномена, «массовой партиципаторной демократии» [Tulloch, 1988: 137]. Но как за гражданами может сохраниться часть суверенитета? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уточнить, как, согласно Брайсу, работает общественное мнение.

Брайс выделяет считывание и проявление общественного мнения. Для считывания общественного мнения, на первый взгляд, вовсе не обязательно участие всех граждан. Оно осуществляется с помощью газет, партий, ассоциаций в тех случаях, когда принимаются законы по широким вопросам [Bryce, 1995: 254]. Вместе с тем в главе «В чем общественное мнение преуспевает» он пишет, что общественное мнение проявляется в форме дискуссий между гражданами относительно ключевых вопросов внутренней и внешней политики. «Но мнение действует и в другое время, и способно иными методами проявить себя [курсив наш — Шаблинский А. И.]. Оно упрочивает всеобъемлющую дискуссию по поводу политических вопросов и личностных качеств людей [занимающихся политикой]» [ibid.: 251]. В процессе такой дискуссии должен постепенно определяться общий интерес. Более того, «сложно представить, чтоб этого не произошло». Возможны лишь временные заблуждения: «Они признают возможность некоторого количества временных ошибок и заблуждений. Но полагать, что целая нация, выслушав все, все обсудив... в итоге ошибется касательно своих истинных интересов, будет для них особым видом хулы в отношении человеческого разума и его Создателя» [ibid.: 253]. Таким образом, общественное мнение проявляется в практике «постоянного чтения, слушания, вынесения суждений относительно публичных дел». Брайс, к сожалению, не дает конкретных указаний на формы такой дискуссии, ее рамки. Однако он неоднократно

заявляет, что участие в периодических выборах органов власти не делает граждан участниками политической жизни. Наоборот, постоянная вовлеченность возможна в том случае, если гражданин обсуждает с другими публичные дела и тем самым участвует в проявлении общественного мнения. Возвращаясь к вопросу, поставленному выше: на наш взгляд, проявление общественного мнения — один из способов сохранить суверенитет в руках граждан.

Брайс также стремится сделать считывание общественного мнения более открытым для участия обычных граждан. Согласно Брайсу, партии играют одну из ключевых ролей в процессе считывания. Фактически партийные политики работают с «проявлениями» общественного мнения и являются арбитрами, помогающими определить, насколько соответствует та или иная законодательная инициатива общему интересу сообщества: «...в Америке общественное мнение, которое всеми признается в качестве арбитра, смягчает эти эмоции и обязывает сторонников законов, выгодных конкретным классам, продемонстрировать, что их инициативы совместимы с первостепенными интересами всего сообщества» [ibid.]. Тем не менее партийные политики, согласно Брайсу, не являются лучшими кандидатами на пост таких арбитров. Как он замечает, «чтобы контролировать политиков, общественное мнение в Америке больше всего нуждается в... более продолжительной деятельности людей, решительно независимых в своих умонастроениях» [ibid.: 230]. Партийные политики, согласно Брайсу, не могут быть беспристрастными. Более того, в итоге именно партии способствуют искаженной интерпретации общественного мнения. Это объясняется корыстным интересом профессиональных политиков, пришедших на государственную службу исключительно ради зарабатывания денег¹³. Брайс был уверен, что независимые, беспартийные политики из «внешнего круга», напротив, способны отказаться от своих частных интересов, «неразумного допущения, лежащего в основе бессмысленных партийных схваток» [ibid.: 48]. Для них мотив заработка не будет основным в политической деятельности, и они смогут беспристрастно фиксировать общественное мнение, проявляющееся в постоянных дискуссиях обычных граждан. Здесь необходимо отметить, что для Брайса общественное мнение не было продуктом одного класса. Он не раз подчеркивал это обстоятельство [ibid.: 177, 222]. Поэтому сложно говорить, что новая категория политиков, о которой пишет Брайс, была для него классом, формирующим мнение. Скорее участие независимых политиков из внешнего круга, не искавших в политической деятельности основной источник дохода, являлось для Брайса одним из важных условий легитимной интерпретации «проявленного» общественного мнения.

Вовлечение представителей внешнего круга расширяло возможности участия обычных граждан в политике. К сожалению, Брайс не углубляется в институциональные механизмы, позволяющие обеспечить постоянный приток независимых политиков из внешнего круга. Не очень понятно, что же могло заставить их «штур-

¹³ Как отмечает Таллок, Брайс придерживался модели личностной структуры индивида, предложенной Джоном Актоном. В рамках этой модели индивид с одной стороны обладает эгоистичными интересами, с другой стороны — «объединяющей гуманностью, даром разума, желанием гармонии» [Tulloch, 1988: 138]. Более того, сам Брайс пишет, что «либералы верят в силу разума, способную побороть безразличие, и в силу благородства, способного побороть эгоизм» [Вруссе, 1995: 16]. Однако политик, занимающийся публичными делами лишь ради заработка, всегда отвержен эгоистичным интересам.

мовать внутренний круг» профессиональных партийных политиков. Тем не менее в первом томе «Американского содружества» Брайс защищал тезис, косвенно связанный с институциональным оформлением активного политического участия. Он описывал США как пример удачного воплощения принципов самоуправления [ibid.: 255]. Брайс был последовательным федералистом и отстаивал необходимость «home rule», широкого круга вопросов, решавшихся на уровне доминионов (в случае Великобритании) и субъектов федерации (в случае США) [Tulloch, 1988: 78]. Широкие полномочия независимых политиков в работе органов власти субъекта и в определении общественного мнения он противопоставлял жесткому контролю, осуществлявшемуся централизованной партией. Брайс активно поддерживал законопроекты, предлагавшие реформирование гражданской службы и уменьшающие власть партий в сфере назначения чиновников на местном уровне [ibid.: 176].

Таким образом, Брайс различал считывание и проявление общественного мнения. Проявление — это постоянная делиберация граждан и «вынесения суждений относительно публичных дел». Считывание — это схватывание и интерпретация дискуссий, суждений, происходящих между гражданами. Брайс видит необходимость участия граждан не только в широких дискуссиях в ходе проявления общественного мнения, но и в процедуре считывания в качестве независимых политиков. Благодаря этому суверенитет сохраняется в руках граждан и не переходит полностью их представителям.

Заключение

Концепция общественного мнения, предложенная Брайсом, вовсе не сводилась к тезису «решение большинства есть закон». Брайс, как и Руссо, признавал две необходимые черты демократического сообщества. Во-первых, наличие общественного мнения, общей воли, несводимых к сумме индивидуальных мнений. Во-вторых, сохранение суверенитета в руках народа, которое обеспечивается постоянным участием граждан в делах сообщества. Брайс не раз напоминает нам, что общественное мнение не направлено на удовлетворение частных интересов. Оно есть здравый смысл нации, который стремится сохранить конституцию и политическое устройство, точно так же, как, согласно Руссо, общая воля стремится к воспроизведению политического сообщества. Наконец, Брайс следует демократической традиции в образе Руссо, когда стремится сохранить суверенитет в руках граждан, вовлекая их в процессы проявления и считывания общественного мнения. Конечно, это не соответствует более строгому критерию политического равенства Руссо, согласно которому представительство невозможно. Однако Брайс очевидно ближе к этому полюсу демократической традиции, чем к идеям минимальной демократии и сменяемости элит.

Агрегативные подходы к общественному мнению, набравшие популярность после исследований Гэллапа, упускают из виду этот важный аспект концепции Брайса. В схеме Гэллапа опросы должны в точности узнавать интересы, желания граждан и транслировать их элитам. Схожую идею мы встречаем через 60 лет у Вербы и Пейджа. Вместе с тем изначально концепция общественного мнения была идейно намного ближе к «массовой партиципаторной демократии», где суве-

ренитет сохраняется в руках граждан. Можно заявить, что современные опросы не предполагают участие подобного рода, а значит не являются приоритетным механизмом измерения общественного мнения в той теоретической перспективе, что задают Руссо и Брайс. На наш взгляд, эта линия дискуссии об общественном мнении, остававшаяся долгое время в тени агрегативных подходов, постепенно находит поддержку в работах, где общественное мнение концептуализируется как процесс принятия коллективных, демократических решений. Эта аргументация, представленная в работах Наянза и Прайса, нацелена на вовлечение всех заинтересованных сторон в данный процесс. Опираясь на традицию делиберативной демократии, она уделяет внимание не только числу участников, но и качеству самой процедуры обсуждения.

Список литературы (References)

- Бурдые П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993.
- Bourdieu P. (1993) *Sociology of Politics*. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.).
- Гэллуп Д., Рэй С. Ф. Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения. М. : ВЦИОМ, 2017.
- Gallup D., Rae S. F. (2017) *The Pulse of Democracy. The Public-Opinion Poll and How It Works*. Moscow: VCIOM.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, трактаты. М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 1998.
- Rousseau J.-J. (1998) *Contrat social*. Moscow: Canon-Press-C: Kuchkovo Pole.
- Allport F. H. (1937) Toward a Science of Public Opinion. *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 1. No. 1. P. 7—23. <https://doi.org/10.1086/265034>.
- Althaus S. L. (2003) *Collective Preferences in Democratic Politics*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511610042>.
- Bentham J. (1830) *Constitutional Code*. London: Robert Heward.
- Blumer H. (1948) Public Opinion and Public Opinion Polling. *American Sociological Review*. Vol. 13. No. 5. P. 542—549. <https://doi.org/10.2307/2087146>.
- Bryce J. (1867) *The Historical Aspect of Democracy. Essays on Reform*. London: Macmillan and Co.
- Bryce J. (1921) *Modern Democracies*. Vol. I. New York: Macmillan Company.
- Bryce J. (1995) *The American Commonwealth*. Vol. II. Indianapolis, IN: Liberty Fund.
- Cohen J. (1986) Review: Reflections on Rousseau: Autonomy and Democracy. *Philosophy & Public Affairs*. Vol. 15. No. 3. P. 275—297.
- Collini S., Winch D., Burrow J. (1983) *That Noble Science of Politics: A Study in Nineteenth-Century Intellectual History*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Converse P.E. (2006) The Nature of Belief Systems in Mass Publics (1964). *Critical Review*. Vol. 18. No. 1—3. P. 1—74. <https://doi.org/10.1080/08913810608443650>.
- Dion L. (1962) Democracy as Perceived by Public Opinion Analysis. *The Canadian Journal of Economics and Political Science*. Vol. 28. No. 4. P. 571—584. <https://doi.org/10.2307/139297>.
- Estlund D. M., Waldron J., Grofman B., Feld S. L. (1989) Democratic Theory and the Public Interest: Condorcet and Rousseau Revisited. *The American Political Science Review*. Vol. 83. No. 4. P. 1317—1340. <https://doi.org/10.2307/1961672>.
- Gallup G. (1938) Government and the Sampling Referendum. *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 33. No. 201. P. 131—142. <https://doi.org/10.2307/2279120>.
- Grofman B., Feld S. (1988) Rousseau's General Will: A Condorcetian Perspective. *The American Political Science Review*. Vol. 82. No. 2. P. 567—576. <https://doi.org/10.2307/1957401>.
- Habermas J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Kahneman D., Tversky A. (1974) Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*. Vol. 185. No. 4157. P. 1124—1131. <https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124>.
- Keller M. (1988) James Bryce and America. *The Wilson Quarterly*. Vol. 12. No. 4. P. 86—95.
- Korzi M. J. (2000) Lapsed Memory? The Roots of American Public Opinion Research. *Polity*. Vol. 33. No. 1. P. 49—75. <https://doi.org/10.2307/3235460>.
- Margolis M. (1984) Public Opinion, Polling, and Political Behavior. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 472. P. 61—71. <https://doi.org/10.1177/0002716284472001006>.
- Page B. (2002) The Semi-Sovereign Public. Manza B. J., Cook F. L., Page B. I. (eds.) *Navigating Public Opinion: Polls, Policy and the Future of American Democracy*. New York: Oxford University Press. P. 325—344.
- Page B. I., Shapiro R. Y. (1992) *The Rational Public: Fifty Years of Trends in Americans' Policy Preferences*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Pitkin H. (1972) *The Concept of Representation*. Berkeley, CA: University Of California Press.
- Plowman D. E. G. (1962). Public Opinion and the Polls. *The British Journal of Sociology*. Vol. 13. No. 4. P. 331—349. <https://doi.org/10.2307/587245>.
- Pombeni P. (1994) Starting in Reason, Ending in Passion. Bryce, Lowell, Ostrogorski and the Problem of Democracy. *The Historical Journal*. Vol. 37. No. 2. P. 319—341. <https://doi.org/10.1017/s0018246x00016496>.

Price V., Neijens P. (1997) Opinion Quality in Public Opinion Research. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 9. No. 4. P. 336—360. <https://doi.org/10.1093/ijpor/9.4.336>.

Rousseau J.-J. (1963) On the Social Contract; or, Principles of Political Rights. Paris: Union Générale d'Éditions. (In French).

Runciman G., Sen A. (1965) Games, Justice and the General Will. *Mind*. Vol. LXXIV. No. 296. P. 554—562. <https://doi.org/10.1093/mind/LXXIV.296.554>.

Schwartzberg M. (2008) Voting the General Will: Rousseau on Decision Rules. *Political Theory*. Vol. 36. No. 3. P. 403—423. <https://doi.org/10.1177/0090591708315145>.

Shapiro R. Y., Bloch-Elkon Y. (2008) Do the Facts Speak For Themselves? Partisan Disagreement as a Challenge to Democratic Competence. *Critical Review*. Vol. 20. No. 1—2. P. 115—139. <https://doi.org/10.1080/08913810802316373>.

Tulloch H. (1988) James Bryce's American Commonwealth. Wolfeboro, NH: Boydell Press.

Verba S. (1996) The Citizen as Respondent: Sample Surveys and American Democracy Presidential Address, American Political Science Association, 1995. *The American Political Science Review*. Vol. 90. No. 1. P. 1—7. <https://doi.org/10.2307/2082793>.

Woodward J. (1948) Public Opinion and Public Opinion Polling: Discussion. *American Sociological Review*. Vol. 13. No. 5. P. 552—554. <https://doi.org/10.2307/2087148>.